
Т. А. БЕРНШТАМ

ЗАБЫТЫЙ ПАМЯТНИК ДРЕВНЕРУССКОГО ИСКУССТВА

(Берестяные и деревянные расписные брачные венцы XVII века)

Неправомерно забытым исследователями оказался такой памятник древнерусского искусства, как берестяные и деревянные брачные венцы XVII в., роспись которых является по существу образцом иконописной миниатюры. Брачный венец как необходимый прежде элемент свадебного обряда представляет немалый интерес и для изучения духовной культуры русского населения.

Предметом нашего рассмотрения послужили 13 брачных венцов XVII в.— 5 парных комплектов и 3 венца из разрозненных пар, хранящихся в фондах Архангельского областного краеведческого музея¹. Некоторые из этих венцов были прежде собственностью Архангельского древнехранилища², другие принадлежали церквям бывшей Архангельской губернии.

В дореволюционной историко-искусствоведческой литературе имеются сведения о деревянных венцах XVI—XVII вв. быв. Нижегородской губернии. Нижегородские венцы массивные, украшены сложной вычурной резьбой, пышным орнаментом, покрыты золотой и серебряной краской³. Казалось, мастера стремились уподобить венцы золотым

¹ 1. Мужской и женский деревянные резные венцы из паниловской церкви Холмогорского района, позолоченные, с цветным рисунком (№ 3828). 2. Мужской и женский берестяные венцы, вероятно, из шелеховской церкви Онежского района, по форме напоминают шапку Мономаха, украшены темперной живописью (№ 3829). 3. Мужской и женский венцы из древесной коры в виде гладких обручей, украшены темперной живописью (№ 3830), прежде принадлежали пияльской церкви Онежского района. 4. Мужской и женский деревянные резные венцы со сходящимися кверху четырьмя полудугами, украшены темперной живописью (№ 3832). 5. Мужской и женский берестяные венцы из девшинской церкви (район выяснить не удалось), в виде обручей, покрыты зеленой краской (№ 3833). 6. Берестяной венец в виде обруча, в передней части которого — корона и два круглых отверстия, украшен темперной живописью, прежде принадлежал сокольской церкви Онежского района (№ 3884); под тем же номером в музее хранится еще один берестяной венец в виде обруча с темперной живописью. 7. Берестяной венец в виде гладкого обруча с темперной живописью (№ 3837).

² В перечне предметов Архангельского древнехранилища указывается пара брачных венцов из древесной коры с изображением богородицы, святых Иоакима, Анны и Евы на женском венце, Христа и святых Константина, Елены, Адама — на мужском (№ 3836). Некоторые венцы, например, венцы из древесной коры с изображениями Иисуса, богородицы, предтечи на мужском и богородицы на женском, были потеряны. См. Труды VII Археологического съезда 1887 г., т. II, 1891, стр. 289. Часть венцов Архангельского древнехранилища были переданы в другие музеи, например, в бывший древнехристианский музей при Академии художеств (там же, стр. 285—286).

³ Венцы из с. Брилякова, Балахнинского уезда Нижегородской губ. выточены из березы, тяжелые, с толстыми стенками и крышками, имеют вид архиерейской митры... На крышках граненые главы, на верхах которых видны сломанные шпелки от бывших на венцах крестов. На крышках от глав вниз до верхних обручей на четыре стороны идут выточенные из дерева круглые маленькие шарики, представляя как бы дорогие камни. В. И. Богословский, *Деревянные священные сосуды и брачные венцы*. Труды VII Археологического съезда 1887 г., т. III, М., 1892, стр. 22—23. Венцы из с. Рознежья Макарьевского уезда Нижегородской губ. имеют медальоны с иконописными раскрашенными изображениями (по золотому полю); между медальонами вырезаны листья. Резьба и оба обруча (с медальонами) посеребрены, стенки же между обручами выкрашены (там же, стр. 23).

царским коронам. Северные берестяные и деревянные венцы XVII в. проще, скромнее, на них меньше позолоты, зато они очень изящны и естественны.

Живопись венцов требует скорейшего изучения, так как венцов осталось очень мало и находятся они в плохом состоянии⁴.

Самая простая и, вероятно, более древняя форма брачного венца, по нашему мнению, — обод, согнутый из луба или бересты.

Следующим по времени был, очевидно, брачный венец в виде шапки Мономаха — это тот же обруч, но с конусообразным верхом⁵. В дальнейшем обруч стал окаймляться

Рис. 1. Орнамент на берестяном венце № 3829

рядом зубцов или шипов, наверху появились перекрестия, в центре пересечения которых укреплялся крест. Вначале дуги не выступали наружу и служили лишь для более устойчивого положения венца на голове; постепенно они поднялись выше и утратили свое былое назначение.

Венцы XVII в. можно было встретить в беднейших приходах Северного края до середины XIX в. В городских церквях с конца XVII — начала XVIII в. входят в употребление деревянные резные венцы; особенно богато украшенные относятся к XVIII в. Обычно их вырезали из одного куска дерева. Они были очень массивны, тяжелы и поэтому их постепенно вытеснили металлические, которые делали из тонкого листа железа и расписывали красками. С середины XIX в. металлические брачные венцы повсеместно входят в употребление и окончательно вытесняют деревянные.

Рисунок на венцах тоже прошел известную эволюцию, это четко прослеживается и на деревянных венцах Архангельского музея.

Есть среди них пара простых обручей, выкрашенных в зеленую краску, на которой золотом слегка нанесен орнамент в виде ромбов и четырехлистников (№ 3833). Возможно, эти брачные венцы находились в беднейшем приходе архангельской епархии. Художник, расписывая венец растительным узором или окрашивая его в зеленый цвет, хотел, очевидно, придать ему сходство с цветущей веткой или зеленым венком.

На большинстве венцов имеется растительный орнамент. Иногда он является единственным живописным изображением (№ 3837).

На берестяных венцах шелеховской церкви орнамент в виде крупных, затейливо переплетающихся листьев и цветов выписан очень тонко (рис. 1), красиво подобраны цвета — красный, черный, желтый. По своему характеру роспись на венцах очень напоминает «северодвинскую», известную ныне в районах по среднему течению Северной Двины. Между ними несомненно есть связь.

Почти на всех брачных венцах наряду с растительным узором выписаны и «священные» изображения, в первую очередь Христа и богородицы (или сцены знамения — № 3828, 3829, 3834). На женском венце часты образы Параскевы, Анастасии, Анны, Катерины и др. Возможно, что появление их на брачных венцах говорит о связи в народном представлении христианских святых с их языческими прототипами.

Образ главного женского божества — покровительницы брака и плодородия — объединил все другие образы женских христианских святых, которым женщины поклонялись и молились при родах. «Превращение богородицы и слившихся с ней образов женских святых в пособниц брака, устанавливающих мир в семейных отношениях.., явилось

⁴ Так, на одних венцах, хранящихся в Архангельском музее, живопись частично утрачена (№ 3829, 3837) или потускнела (№ 3834 и др.), на многих наблюдается отставание грунта и красочного слоя; у некоторых венцов поломаны детали: фестоны (№ 3828), дуги и кресты (№ 3832), корона (№ 3834) и т. д.

⁵ В коллекции академика Ф. Г. Солнцева и в бывшем музее христианского искусства при Академии художеств имелись подобные формы брачных венцов, см.: Н. В. Покровский, О брачных венцах, Труды V Археологического съезда 1881 г., М., 1887, стр. 204.

Рис. 2. Рисунок на берестяном венце № 3830

следствием того, что образы христианского жития и легенды были своеобразно переосмыслены народом»⁶.

На мужских венцах мы видим фигуры Христа, Адама, царя Константина, кн. Глеба, Бориса, Дмитрия, Георгия (напр. № 3830).

Образы Бориса и Глеба на поздних иконописных памятниках сопоставляются с фигурами двух всадников, находящихся по сторонам древней богини плодородия ранних славянских изобразительных композиций. «Если Мария заместила собой великую богиню Живу, то образ двух всадников будет нам часто встречаться то в виде Георгия и Дмитрия Солунского, то Бориса и Глеба»⁷. Безусловно, связь эта со временем была забыта и образы повторялись по традиции.

На некоторых венцах Христос и богородица представлены в царском одеянии и в царских венцах (№ 3832, 3834). Это указывало на высокое значение церемонии брака, наводило на мысль, что царские и брачные венцы казались народу явлениями сродными. Это же подтверждает форма брачных венцов — то в виде гладкого обруча, то мономаховой шапки. Напомним, что в свадебных обрядах (например у русского населения Севера) жениха и невесту обычно называли «князем» и «княгиней».

Поскольку живопись брачных венцов является иконописной миниатюрой, то в ней, естественно, повторяются те же приемы письма, которые существовали в стенописи и иконописи того времени. Для окраски фона в XVII в. употребляли в основном зеленоватый и темно-желтый цвета⁸. То же и на венцах. Так же как и в иконописи, позолотой покрывали отдельные части композиции — фон, нимбы, одежду. Палитра красок довольно богатая, но доминируют красный, черный, коричневый и желтый цвета. Линии строго, прямые, вообще живопись по духу близка к новгородской. Рисунок на всех венцах совершенно различен, и каждая пара по-своему хороша. Берестяной венец из пияльской церкви имеет яркий и нарядный вид: фигуры выписаны на светлом желтом фоне в разноцветных одеждах (рис. 2). Немного позолоты придает венцу легкость. На других венцах (№ 3832) чередование зеленых, красных и коричневых точек по ободу создает впечатление инкрустации, и простой деревянный венец выглядит как убранный драгоценными камнями.

Ни на одном из венцов мы не нашли и следа надписей, которые могли бы что-либо сказать об их создателях. Вероятно, сделали и расписали венцы те же мастера, что писали иконы для соответствующей церкви.

Свадебные обряды бывшей Архангельской губернии были записаны не раз, в разных уездах и в разное время. В XVII—XIX вв. это был сложный ритуал, в котором с основным христианским обрядом переплетались различные пережитки языческих верований.

Вопрос о восприятии христианства народными массами имеет существенное значение для понимания мировоззрения народа, особенностей его культуры, общественных и семейных отношений. Сочетание воспринятых из церковно-православного учения образцов и толкований с пережитками более древних верований накладывало отпечаток на все стороны жизни, сказывалось на обычаях семейного и общественного быта, отражалось в фольклоре. Русскому народу свойственно было стремление связать образы христианской религии с повседневной жизнью. «Такое стремление вело к сохранению (а иногда и к воскрешению) в христианской оболочке древних языческих убеждений, более непосредственно связанных с трудовой и общественной жизнью народа, чем церковное православие»⁹.

Постепенно многие пережитки дохристианских верований исчезали из свадебного обряда; иные меняли свое прежнее значение. Упростился и смысл назначения брачных венцов.

Главная часть обрядов, посвященных культуре дерева, относится к верованиям древних славян в «растительных» духов плодородия, будто бы пребывающих в деревьях, хлебах, цветах и травах. Из деревьев «духи» особенно «предпочитали» березу на севере и клен на юге. Славяне полагали, что эти духи влияют на плодородие полей, лугов, обеспечивают урожай, а также наделяют здоровьем и усиливают плодovitость животных и людей. Обладание волшебной плодоносящей силой славяне приписывали отдельным деревьям, веткам, зелени. В более поздние времена на праздник троицы девушки срубали березку, украшали ее ветками и лентами, украшали ветками и себя, свои жилища. Это называлось «заламыванием березки». На празднике женщины старались умиловить духов плодородия жертвами (шелковые платки, бусы и т. д.), которые они развешивали на ветвях священных берез. Образ дерева встречается часто в северных свадебных песнях:

⁶ В. И. Чичеров, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв., М., 1957, стр. 43.

⁷ Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, «Сов. этнография», 1948, № 1, стр. 105.

⁸ А. Виннер, Фресковая и темперная живопись, II, М.—Л., 1948, стр. 172.

⁹ В. И. Чичеров, Указ. раб., стр. 8.

На горы на высокой,	Что у той золотой вербы
Ой да рано, на красы, на великой,	Было ветвь сахарное,
На прекрасной,	Что у той золотой вербы
Вырастала верба золотая.	Была вершина жемцuzная,
Что у той золотой вербы	По середке золотой вербы
Было коренье булатное,	Списана Спаса пречистая,
Что у той золотой вербы	Божья мать богородица
Было листье бумажное,	Чудотворица московская ¹⁰ .

Самый факт изготовления брачных венцов из дерева связан, по нашему мнению, с древним поклонением славян дереву.

Возложение на головы вступающих в брак юноши и девушки обручей из бересты должно было способствовать удачной семейной жизни, здоровью и плодovitости. С принятием христианства торжественный смысл освящения брачного союза церковью слился с этим древним народным обычаем. Устойчивость, даже некоторая косность северного быта обусловила и чрезвычайную жизнённость древних свадебных обрядов. В самом моменте возложения венцов на головы вступающих в брак долгое время существовало множество примет и обычаев, имеющих языческие корни.

Таким образом, берестяные и деревянные расписные венцы, будучи замечательным памятником древнерусской иконописи, представляют интерес для этнографического изучения русского населения Поморья.

¹⁰ Н. Колпакова, Свадебный обряд на р. Пинеге, сб. «Крестьянское искусство», Л., 1928, стр. 136.